

Церкви занимали главное место в его воспоминаниях. За день до того, как мать бросила его, Майк Салливан сидел рядом с ней в переднем ряду церкви Святого Стефана. Они приходили сюда по крайней мере пару раз в неделю, когда искали местечко, где бы укрыться, а после молитвы, если у нее оставались деньги, они шли в «Стрэнд». Так назывался кинотеатр в деловой части Белхэма, где за три бакса можно было посмотреть сразу два фильма о Джеймсе Бонде. Но чаще всего они отправлялись в публичную библиотеку, где мать набирала еженедельную порцию женских романов с названиями типа «Проделки Частити Веллингтон» или «Тайна мисс Софии».

В тот вечер именно снег заставил их укрыться в церкви. Они возвращались домой из библиотеки, когда легкая метель вдруг сменилась настоящей вьюгой. Ветер завывал и кидался на машину с такой силой, что Майк даже немного испугался, уж не перевернется ли она. На дорогах повсюду образовались пробки, вот они и зашли в церковь Святого Стефана, чтобы переждать бурю. Белхэм до сих пор не пришел в себя после бурана, засыпавшего город снегом в прошлом месяце, знаменитого урагана 1978 года, и вот теперь, когда минуло всего несколько недель, прогноз погоды по радио обещал еще одну снежную бурю для северо-восточной части штата Массачусетс. Тогда Майку исполнилось восемь.

Церковь была битком набита людьми, ожидавшими, пока расчистят дороги. Мать взяла в руки один из трех

туристических журналов, которые прихватила с собой из библиотеки, и погрузилась в чтение. Ее лицо оставалось серьезным, но при этом спокойным и расслабленным, каким бывало всегда во время молитвы. Она была невысокой женщиной, настолько миниатюрной, что Майк частенько брал ее руки в свои, боясь, что если не удержит мать, то ее унесет первым же сильным порывом ветра. Переворачивая страницы журнала, она второй, свободной рукой тербила красивый голубой шелковый шарфик, который носила на шее, шарфик, на котором были вытканы старинные колонны, статуи и ангелы. На ее толстой зимней куртке он смотрелся совершенно неуместно.

— Неприлично разглядывать людей в упор, — негромко сказала она. Даже с головой уйдя в какое-либо занятие, она неизменно подмечала все, что происходило вокруг, и никогда не повышала голоса.

— Мне нечего почитать, — прошептал он. — Как такое может быть, что в библиотеке нет комиксов?

— Тебе следовало выбрать себе книгу по обработке древесины. — Она развернулась на скамье лицом к нему, держа раскрытый журнал на коленях. — Помнишь скворечник, что ты подарил мне на Рождество? Я видела, как ты работал над ним в мастерской отца, с каким старанием красил.

— Да, у меня неплохо получилось.

— Нет, у тебя получилось великолепно, — сказала она и улыбнулась. Ее улыбка заставляла мужчин останавливаться и смотреть ей вслед. Эта улыбка подбадривала его и говорила, что все будет в порядке.

— Откуда у тебя эта штука?

— Какая штука?

— Шарф.

— Вот этот? Он у меня уже давно.

Заметить мамину ложь было так же легко, как и ее сияки. Она никогда не носила шарф при Лу, надевая его только после того, как выходила из дома, а перед тем как

вернуться, снимала и прятала в карман. Майк знал, что шарф вместе с альбомом для фотографий она хранит в подвале в коробке с надписью «Для шитья». Однажды ранним утром в субботу, после того как Лу ушел на работу, Майк застукал ее в подвале, когда она вынимала шарф из коробки — из того же потайного места, где хранила и свой альбом.

Она прочла в его глазах вопрос и ответила:

— Этот шарф подарил мне отец, на наше последнее Рождество в Париже. Я просто не хочу, чтобы с ним что-нибудь случилось.

— В Париже, значит. О-ля-ля!

Улыбнувшись, она положила журнал ему на колени и показала на цветную фотографию, где был снят зал старинной церкви. Стены из потрескавшегося белого мрамора казались высотой в милю, а на куполе была нарисована потрясающая картина, на которой Иисус Христос раскрывал миру свое сердце.

— Это церковь Сакре-Кер, — с гордостью пояснила мать. — *C'est l'endroit le plus beau du monde*¹.

Когда мать разговаривала на своем родном французском, он слушал, как слова скатываются с ее языка, и она казалась ему экзотической молодой женщиной, которую он случайно увидел на одной из черно-белых фотографий, вклеенных в ее альбом. Иногда, оставаясь дома один, он спускался в подвал и внимательно рассматривал фотографии своих дедушки и бабушки, друзей матери, ее дома — всего того, что она оставила в Париже, когда переехала сюда. Ему казалось, что те люди одевались, как особы королевской крови. По ночам Майк лежал в постели и мечтал о войске парижан, которые когда-нибудь непременно явятся к нему домой и спасут его самого и его мать.

¹ *C'est l'endroit le plus beau du monde.* — Это самое красивое место во всем мире (фр.). — Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.

— Снимки довольно посредственные, — сказала она и придвинулась ближе. — Еще когда я перешагнула порог этого храма в первый раз, то сразу поняла, что Бог действительно существует и что он способен чувствовать и наполнить тебя любовью. Но для этого ты должен верить, Майкл. Это самое главное. Даже если жизнь несправедлива к тебе, ты должен помнить, что надо держать сердце открытым для любви Господа.

— На фотографии видны горгульи.

— Это Нотр-Дам. Замечательно, не правда ли?

— Горгульи на церкви... Должно быть, это самая крутая церковь на свете.

— Майкл, тебе никогда не хотелось узнать, что происходит за пределами Белхэма?

— Да нет, — отозвался он, не сводя глаз с фотографии, на которой была запечатлена еще одна горгулья — с оскаленными клыками, готовая обрушиться с небес и в ключья разорвать грешников, посмевших переступить порог храма.

— Ты не любопытен?

— Нет.

— Почему?

Майк пожал плечами, переворачивая страницу.

— Здесь есть все, что я знаю. Холм, «Пэтриотс» и все мои друзья.

— Ты мог бы обзавестись новыми.

— Но не такими, как Дикий Билл.

— Что ж, Уильям и впрямь оригинал, надо отдать ему должное.

— Папа говорит, что вся проблема Парижа в том, что там полно французов.

— Твой отец не слишком храбрый человек.

Майк резко вскинул голову, отрываясь от журнала.

— Но он воевал во Вьетнаме, — сказал он, не очень понимая, почему защищает отца. Майк не знал, что значит «воевать во Вьетнаме» — или, точнее, представлял себе это

весьма туманно. Он знал, что война — это пушки, ножи и бомбы, много крови и еще больше мертвых. Майк даже видел по телевизору несколько старых черно-белых фильмов о войне.

— Если ты держишь в руке пистолет или причиняешь кому-то боль, это еще не делает тебя храбрым, Майкл. Настоящая — *подлинная* — храбрость бывает только духовной. Например, когда ты веришь, что твоя жизнь сложится хорошо, хотя это и кажется невозможным. Иметь веру — вот настоящая храбрость, Майкл. Всегда имей веру, как бы плохо ни шли дела. И не позволяй своему отцу или кому-нибудь другому разубедить тебя в этом, хорошо?

— Хорошо.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Мать полезла в карман и достала черную бархатную коробочку, которую положила поверх журнала.

— Что это? — поинтересовался он.

— Подарок. Открывай.

Он так и сделал. Внутри оказалась золотая цепочка с золотым кружком размером с монету в двадцать пять центов. На ней был выгравирован какой-то лысый старик, баюкающий на руках младенца. Старик, догадался Майк, был святым. Нимб вокруг головы всегда был верным признаком.

— Это святой Антоний, — пояснила мать. — Он считается святым покровителем пропавших без вести.

Вынув цепочку из коробочки, она надела ее ему на шею и застегнула. Майк спрятал холодный медальон под свитер и легонько поежился, когда он коснулся теплой кожи.

— Пока ты будешь носить его, — сказала мать, — святой Антоний будет хранить тебя. По моей просьбе отец Джек даже благословил его для тебя.

— Хорошо. Спасибо.

На следующий день она исчезла. Когда он вернулся домой, ее машина, старый «Плимут Вэлиант» с проржа-